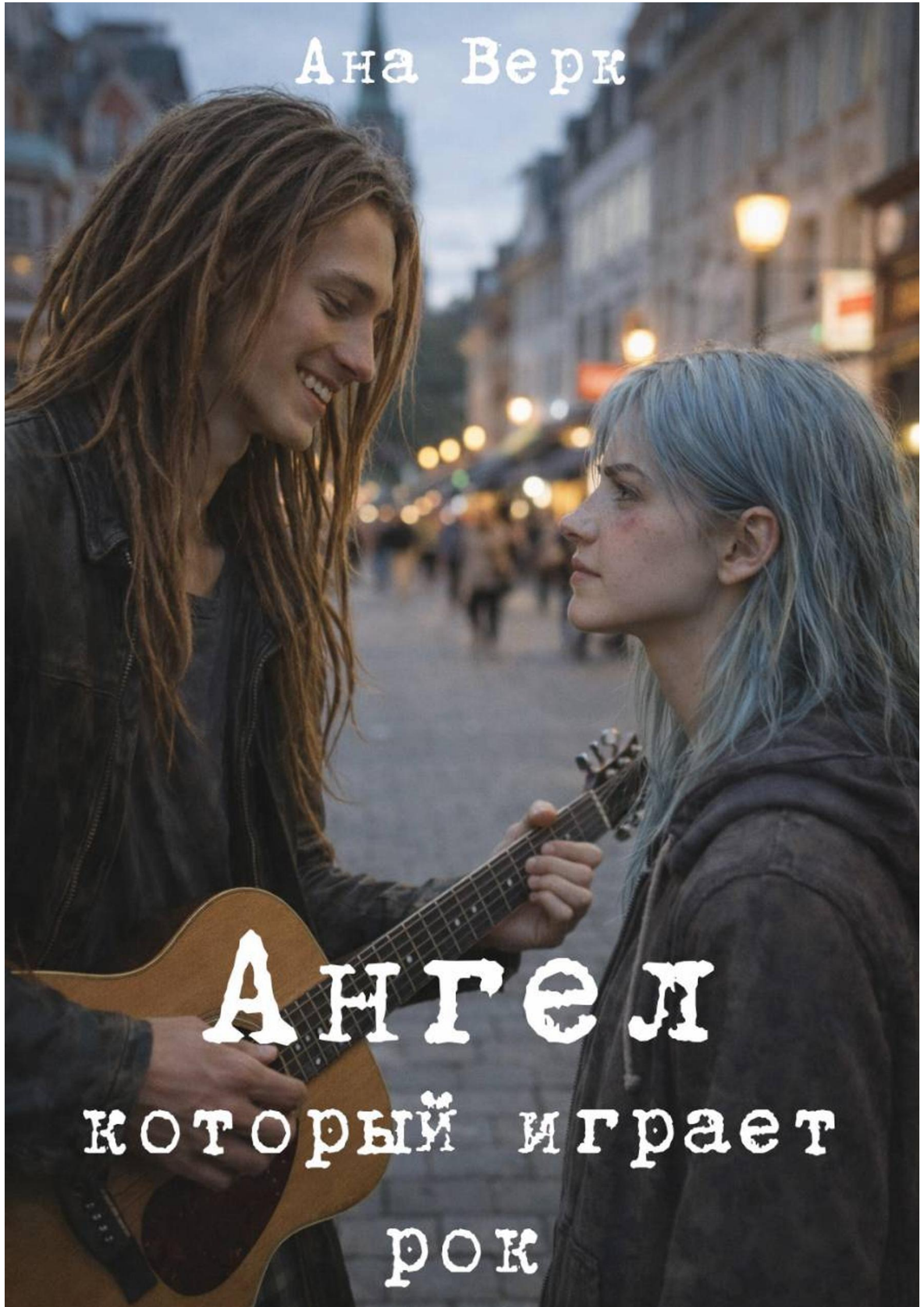

Ана Верк

Ангел
который играет
рок

Ана Верк

Ангел который играет рок

«Автор»

2026

Верк А.

Ангел который играет рок / А. Верк — «Автор», 2026

Среди беспокойной человеческой толпы тихая мелодия гитары почти неразличима, а голос музыканта тонет среди звуков оживлённого города. Люди проходят мимо. Кто-то улыбается, кто-то бросает в его чехол монеты, а кто-то колкие слова. А что, если этот уличный гитарист на самом деле ангел, который видит вашу душу насквозь? Когда-то Гэбрил был Хранителем и не помнит, за что его отправили на землю. Но всё так же продолжает помогать людям. Он долго бродил по земле в одиночестве, пока не приютил у себя двух сбежавших от домашних побоев сестёр. Николь, уставшая жить в постоянном страхе, и маленький тайфун Леони, которая в первый же вечер топотом своих ножек выбила тишину из старой мансарды Гэбрила, как пыль. Три одинокие души находят друг друга под крышей старой мансарды. Но однажды Гэбрилу придётся решить, что для него важнее: следовать законам Небес или собственной совести

© Верк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7

Ана Верк

Ангел который играет рок

Глава 1

Стоял позолоченный сентябрь. После изнурительно жаркого лета время начало замедляться, а краски – тускнеть.

Но для Гэбрила почти ничего не изменилось – разве что солнечный свет стал печальнее, чем обычно. Он всё так же играл на гитаре, а люди всё так же проходили мимо: кто-то не замечал его, кто-то раздражённо морщился, кто-то улыбался или бросал мелочь в раскрытый чёрный чехол от гитары.

Находились и те, кто вместо мелочи бросал грубое словцо. Таких, к счастью, попадалось мало, и Гэбрил не обращал на них внимания.

Будучи Хранителем, он существовал за пределами времени. В его родном мире оно не текло, не делилось на отрезки, не требовало отсчёта. Здесь же время оказалось линейным, настойчивым, почти осязаемым. К нему пришлось привыкать – учиться чувствовать его ход, различать дни, недели, годы.

Оно управляло жизнью. Утро – чтобы проснуться. День – чтобы работать. Ночь – чтобы спать. И так по кругу. Человечество крутилось в этом ритме как белка в колесе.

И всё же на него оно не действовало, пока он сам того не хотел.

Его пальцы замерли, пока он подбирал следующую композицию. Нередко сами люди наталкивали его на тот или иной мотив.

Он любил наблюдать за прохожими. Счастливые, озабоченные, смеющиеся, злые – они казались ему простыми и сложными одновременно.

Гэбрил понимал их, но не до конца понимал этот мир. Он был для него таким же чужим, как и десятки лет назад.

Мимо прошла группа шумных тинейджеров. Гэбрил ударил по струнам, врубая первые аккорды Nirvana «Smells like a Teen Spirits».

За спиной послышалось громкое, протяжное «Мяу». Он сбился, взял неверную ноту и прекратил играть. Обернулся.

На спинку скамейки в метре от него запрыгнул крупный растрёпанный котёнок чёрного цвета с большой круглой мордой и гноющимися глазами-щёлками. Он снова заорал, демонстрируя публике непревзойдённый кошачий баритон. Не тот голос, чтобы исполнять партию Курта Кобейна, но возможно, получится что-то другое?

Гэбрил взял пробный аккорд. Кот вторил громким нахальным мяуканьем. Гэбрил взял аккорд пониже и позволил коту сказать своё слово.

Люди начали оборачиваться и улыбаться необычному дуэту, а женщины подходили и умиленно бросали мелочь в потрепанный чехол.

Среди них он заметил знакомое ему лицо – эта девушка проходила мимо почти каждый день, но ещё ни разу не посмотрела в его сторону. Гэбрил знал, что она работает в кафе неподалёку, потому что временами играл у входа, пока сотрудники заведения не прогоняли его, если он мешал посетителям.

Она выделялась из толпы выцветшими голубыми волосами, завязанными в хвост, и напряжённым выражением лица. На худенькие плечи была наброшена широкая голубая кофта на замке с капюшоном, на ногах – обтягивающие линялые джинсы и тяжёлые чёрные берцы.

Её можно было бы назвать симпатичной, если бы не запущенная внешность и изнурённый, неприветливый вид.

По-прежнему не обращая внимания на Гэбрила, она подошла к коту и достала из потрёпанного чёрного рюкзака остатки сэндвича, завернутого в бумагу. Кот заорал громче прежнего, учуяв запах еды.

Она присела на корточки за скамейкой и положила еду на землю. Кот прыгнул и жадно принялся уплетать угощение, не обращая внимания на поглаживания.

Гэбрил усмехнулся и принялся наигрывать тихую мелодию Scorpions «Send me an Angel» - ему показалось, что эта композиция подходит этой девушке лучше всего.

Она замерла и прислушалась. Несколько мгновений сидела неподвижно, затем вдруг вскочила и с ненавистью уставилась на музыканта.

– Лучше найди себе работу, – презрительно бросила она.

– Например? – насмешливо парировал Гэбрил.

Ничего не ответив, девушка резко развернулась и поспешно зашагала прочь.

Его улыбка медленно поблёкла, а взгляд голубых глаз стал серьёзным. Её внезапная реакция удивила его. Она злилась. Злилась от страха.

К тому же Гэбрил успел разглядеть проступающий сквозь плотный слой тонального крема синяк на скуле.

Глава 2

Николь замедлила шаг, но не остановилась. Она уже стыдилась своей внезапной вспышки.

Этот гитарист встречался ей почти каждый день по дороге на работу или домой. Но Николь никогда не обращала на него внимания – у неё в жизни было слишком много проблем, чтобы замечать людей вокруг. Что побудило её подойти сегодня? Голодный кот?

Как это человечно, хмыкнула она про себя, заметить уличного кота, но не заметить человека.

Как можно было каждый день видеть кого-то, и одновременно не видеть его?

Ей почему-то казалось, что музыкант намного старше её. Но сегодня, увидев его лицо по-настоящему, она поняла, что ошибалась: он был примерно её возраста.

Его лицо было одновременно красивым и простым – в нём чувствовались странная умиротворённость и чистота. Он выглядел хилым, но не слабым. Его длинные русые волосы спадали на плечи неаккуратными прядями.

Николь пыталась вспомнить каждую его черту только чтобы отсрочить неотвратимый приход страшных мыслей. Ежедневно она пыталась отгородиться от них на работе – возвращение в дом, который уже давно превратился в берлогу страшного зверя.

Николь машинально прикоснулась к синяку на скуле. Он почти исчез, и при щадящем освещении и достаточном слое тонального крема клиенты его не замечали.

Отчим. Вечно пьяный мужлан огромного роста, внешне схожий с медведем. Раздражение он выражал либо рёвом, от которого содрогались стены и домочадцы, либо увесистыми оплеухами. А раздражался он часто. Слишком часто.

Николь бы давно переехала в другую квартиру, пусть маленькую и убогую, зато тихую и спокойную, но она не могла оставить свою восьмилетнюю сестру Леони, а их обеих на небольшую зарплату баристы она содержать не могла.

Девочка до смерти боялась отчима, а апатичная, безвольная мать не собиралась защищать своего ребёнка – чаще всего она либо испуганно молчала, либо забивалась в угол, чтобы не влетело ей самой.

Начал накрапывать дождь. Николь, до этого смотревшая себе под ноги, подняла голову. Серое, бездушное небо. Холод, не столько из-за погоды, сколько от страха и безысходности.

На неё с сочувствием смотрели золотистыми глазами-окошками симпатичные, похожие друг на друга двухэтажные домики в фахверковом стиле. Многие окошки щеголяли детскими наклейками, подвесками, статуэтками, яркими шторками – всё это говорило об уюте и довольстве. Когда-то и их маленький домик выглядел так же. Когда папа был жив.

Николь утёрла глаза, досадуя на себя за расхлябанность. Она чувствовала себя отверженным призраком, бредущим по вечерним улицам.

От её работы до дома идти было минут двадцать, и она почти всегда ходила пешком по узким тихим улочкам. Это давало ей время собраться с силами.

* * *

Стук хлопнувшей двери разнёсся по дому, и снова наступила гнетущая, напряжённая тишина. словно затишье перед грозой.

Отчима наверняка не было дома, иначе Николь бы услышала. Она хотела позвать сестру, но делать этого не стала – не хотела нарушать покой измученного дома.

Она разулась и направилась вверх по лестнице. Грязь, бутылки по углам, пакет с мусором завонялся у стены. Не удивительно, что в доме с некоторых пор завелись тараканы.

Ступени натужно скрипели.

Николь прислушалась. В комнате Леони работал ноутбук – девочка смотрела мультфильм. Старшая сестра тихо открыла дверь.

На узкой кровати, застеленной стёганным цветастым пледом, развалилась девочка. Она внимательно смотрела на экран маленького розового нетбука и болтала в воздухе ногами. Её длинные каштановые волосы в беспорядке рассыпались по плечам и спине.

Большие карие глаза достались ей от матери, но были более живыми, а зачастую наглыми. Она однажды спросила, почему у Николь глаза не карие, а светло-серые, если они сёстры. А года в три ребёнок поставил перед собой цель вырасти в точную копию старшей сестры, «только лучше».

– Леони! – тихо окликнула Николь.

Девочка так увлечённо смотрела мультики, что даже не услышала, как дверь отворилась. Николь позавидовала подобной глухоте – она сама уже давно вздрагивала от каждого стука и просыпалась от каждого скрипа.

Заметив сестру, Леони радостно подскочила и побежала к ней.

– Ты сегодня задержалась, – пожаловалась она.

– Мне пришлось, – Николь чмокнула девочку в кончик носа.

– Я боялась, что он придёт раньше, чем ты, – тихо, почти шёпотом, объяснила Леони. – Он ушёл сегодня с дядей Эдвардом, а когда он с ним уходит, всегда возвращается в плохом настроении.

«Всегда возвращается пьяным», – мысленно поправила Николь, подхватила сестру на руки и отнесла её обратно на кровать.

Детская была самым уютным местом в доме благодаря стараниям Николь – кроме неё в этой семье ребёнком больше никто не занимался, и так повелось с самого рождения Леони.

Отец погиб, когда мать была беременна, а самой Николь было четырнадцать лет.

Мать нельзя было назвать сильной женщиной – она всегда зависела от кого-то: сначала от матери, которая рано умерла, затем от мужа. Она просто не умела жить одна, и потеряв единственную опору, впала в глубокую депрессию. Врачи прописали ей антидепрессант и снотворное, которыми она, вопреки предписаниям, злоупотребляла.

В итоге она стала много спать, а младенцем почти не занималась.

Николь поначалу сильно досаждали нескончаемые вопли крошечного существа, которое даже не казалось ей привлекательным. Она поднимала мать раз за разом, чтобы та кормила ребёнка, меняла пелёнки и гуляла с ним. Женщина раздражалась всё больше и больше, и однажды вlepила старшей дочери такую крепкую оплеуху, что половина лица у девочки на пару минут онемела.

Это шокировало и разозлило Николь – мать никогда раньше не била её, а отец почти не повышал голоса.

Младенец тем временем продолжал визжать, и чтобы избавиться от невыносимых воплей, Николь поднялась в детскую и взяла покрасневшее от плача существо. Она стояла некоторое время, держа орущий в ползунках предмет на вытянутых руках. Затем она почувствовала запах и поняла, что надо поменять подгузник. А потом покормить из бутылочки, чтобы наверняка. Спустя некоторое время в доме воцарилась блаженная тишина.

Николь прошла все стадии от отрицания до принятия, прежде чем стала не только сестрой, но и матерью.

Внизу хлопнула дверь, раздался громкий пьяный рёв. Николь невольно содрогнулась, а Леони поспешно захлопнула нетбук и спрятала его в тайник. Девочка осмеливалась смотреть мультфильмы только в отсутствие отчима, а когда он был дома, старалась вести себя как можно тише.

– Почему в доме бардак? – проорал пьяный голос. – И где, мать его, ужин?

Николь стиснула зубы от бешенства, а Леони прижалась к сестре.

– Сиди тихо, а мне надо спуститься, – сказала она и поднялась с кровати.

– Не переживай, я позову ангела, – деловито заверила девочка, но на всякий случай забралась под одеяло.

Николь на мгновение обернулась.

Однажды она купила младшей сестрёнке книжку про ангела-хранителя. Леони тогда было лет пять, и она искренне поверила в эту историю. Николь не стала переубеждать её, приводя научные доказательства, а вместо этого заверила, что, если позвать ангела, он явится и защитит. Только увидеть его нельзя, но можно почувствовать, что он рядом. Ей пришлось придумать слова призыва на ходу, но Леони их выучила наизусть. Николь решила, что это будет давать ей хоть какое-то чувство защищённости.

Снизу снова раздался рёв и тяжёлые, шаркающие шаги. Этот громила ростом под два метра и весом почти в полтора центнера редко поднимал ноги – он их волочил. А вот руку на слабых он поднимал куда чаще.

Мать наверняка продрыхла, подумала Николь с раздражением, и ничего не приготовила. И не убралась. Отчима, разумеется, не заботило, что Николь сама пришла несколько минут назад, а ушла рано утром. И что она единственная в этом доме работала, в то время как двое других сидели на пособии по безработице и не особенно стремились трудиться.

– Николь!! – взревел голос снизу, и внутри у неё всё сжалось.

Она не могла позволить ему в таком состоянии приблизиться к детской, и поспешила спуститься, чтобы ответить за оплошность, которой не совершала.